

ЭВИ УАЙЛД

ВСЕ ПТИЦЫ ПОЮТ

ТОТЕНБУРГ

МОСКВА 2025

УДК 0
ББК 0
У13

*Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.*

Перевод с английского — Инвир Лазарев.

Уайлд, Э.

У13 Все птицы поют. — М.: Тотенбург, 2025. — 278 с.

Джейк Уайт ведет жизнь отшельника в старом фермерском доме на неизвестном острове где-то в Англии — в этом месте неутешающих дождей и сокрушительных ветров. Там только она одна, не считая компаний полудикого колли, по имени Пес, и стада овец. Она сама захотела, чтобы все было именно так, но вот что-то приходит за ее овцами — на протяжении нескольких ночей оно похищает их, и вскоре Джейк находит расстерзанные тела животных. Непонятно, кто сделал такое с овцами. В лесах у фермы полно лис, откуда ни возьмись появляется странный незнакомец, а после приходит не менее странный мальчик. Округа полнится слухами о невиданном ранее в здешних местах огромном звере. Что до самой Джейк, то через ткань настоящего повествования прорывается ее таинственное прошлое — история, берущая свое начало за тысячи миль отсюда, скрываемая ею много лет подряд, корнями уходящая в местность, наполненную совсем иными красками и звуками, и ключ ко всему этому — загадочные шрамы, покрывающие спину Джейк.

УДК 0
ББК 0

© Инвир Лазарев,
перевод с английского, 2017

© Издательство «Тотенбург», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

1	5
2	14
3	24
4	31
5	40
6	55
7	66
8	72
9	85
10	91
11	103
12	112
13	123
14	139
15	148
16	160
17	181
18	188
19	193
20	199
21	214
22	217
23	221
24	229
25	234
26	239
27	251

28	.....	253
29	.....	256
30	.....	258
31	.....	271
32	.....	274

Еще одна овца, искромсанная и истекшая кровью; внутренности ее еще не успели покрыться коркой, и пар поднимался над тушей, словно это был свежеиспеченный пудинг. Вороны, поблескивая клювами и важничая, перекрикивались скрипучими голосами и, как только я замахнулась на них палкой, взметнулись на деревья, чтобы уже оттуда наблюдать за мной; расправляя крылья, они распевали свои песни, если это можно назвать пением. Тычком ботинка в морду Пса я отогнала его в тот момент, когда он попытался вытянуть из овцы часть кишок в качестве трофея; он крутился вокруг меня все то время, пока я катаила ее тушу с поля вниз, в сторону места стрижки овец.

В то утро я была там ни свет ни заря, шла, разговаривая сама с собой, рассказывая Псу о вещах, которые нужно сделать еще до того, как дрозды появятся в кустах боярышника. Наверное, со стороны я производила впечатление сумасшедшей, которая ведет беседу сама с собой. Ветер пытался затолкнуть мои слова обратно в глотку и гулко ухал над открытым ртом, как он всегда это делал с тех самых пор, как я переехала на остров. В компании деревьев, шумящих в роще, и овец, топочущих за моей спиной, я провожу здесь свои дни. Все те же деревья, тот же ветер и те же овцы.

Две смерти за месяц. Начался дождь, и внезапный порыв ветра больно швырнул мне в затылок заостренный кусок сухого овечьего дерhma, словно ужалил. Я подняла воротник и заслонила глаза руками.

Кри-кра, мертвa, кри-кра, мертвa.

— Над чем это вы смеетесь? — крикнула я воронью и запустила в них камнем. Я вытерла глаза тыльной стороной ладони и сделала энергичный вдох, затем выдох,

дабы избавиться от запаха крови. Вороны молчали. Когда я оглянулась, пять из них сидели в ряд на одной ветке, таращились на меня, но по-прежнему молчали. Ветер задувал волосы мне в глаза.

На стойке ворот фермерской лавки «У Марлинга» имелась изрядно потрепанная, линялая вывеска, гласящая: «ДЕТЕНЫШИ МОРСКИХ СВИНОК ДАРОМ».

Здесь никогда даже и не пахло морскими свинками, и я уже даже не решалась расспрашивать хозяев об этом. Внутри с бледным лицом сидела и разгадывала кроссворд дочка хозяина. Она посмотрела на меня, но тут же отвернула взгляд, как будто смущаясь чего-то.

— Привет, — сказала я.

Она зарделась, но все же слегка кивнула в знак приветствия. На ней был плотный спортивный костюм зеленого цвета, волосы забраны в конский хвост. Вокруг глаз — еле заметная краснота, как будто она плакала или пила ночь напролет.

Обычно картошка у них была хороша, но, взяв пару штук, я поняла, что всю хорошую уже разобрали. Я положила картофелины на место и прошла к томатам, но они тоже оказались не очень. Взглянув в окно, туда, где располагалась фермерская теплица, я обнаружила, что все стекла в ней побиты.

— Эй! — сказала я девушке, которая, когда я повернулась к ней, почти не смотрела в мою сторону, держа во рту карандаш. — Что приключилось с вашей теплицей?

— Ветер, — ответила она, переместив карандаш из одного уголка рта в другой. — Отец сказал говорить всем, что это сотворил ветер.

Присмотревшись, я увидела стекла, разбросанные снаружи, там, где обычно у них стояли горшки уродливых розовых цикламен с надписью на табличке: «УКРАШЕНИЕ ДЛЯ ВАШЕГО ЗИМНЕГО САДА». Теперь там только черная земля и битые стекла вокруг.

— Ого! — сказала я.

— В канун Нового года еще и не такое случается, — проговорила девушка внезапно повзрослевшим грубым голосом так, что мы с ней вместе оторопели. Она покраснела еще гуще и вернулась к своему кроссворду. В теплице человек, который обычно управлялся в магазине, сидел, обхватив голову руками.

Я взяла с прилавка несколько апельсинов, немного лука-порея и лимонов. Не то чтобы мне что-то было нужно, я просто решила проехаться, а пополнение провианта было второстепенным делом. Девушка выпустила карандаш из рта и принялась пересчитывать апельсины, но то и дело сбивалась и несколько раз начинала заново. От нее тянуло спиртным, запах которого она безуспешно пытаясь замаскировать сильным парфюмом. Вдобавок еще и похмелье. Я представила себе, как они ссорятся ее отцом. Я снова посмотрела на теплицу — мужчина в ней по-прежнему держится за голову, сквозит ветер.

— Там их девять? — спросила она, и хотя я не считала их, когда клала в корзину, но ответила ей утвердительно.

Она зазвенела мелочью в кассе.

— Должно быть, нелегко потерять оранжерею, — сказала я, заметив небольшой сизый синяк у нее на виске. Она не подняла глаз.

— Не так уж и плохо. Нам следовало бы заказать побольше с материка, но паром не придет сегодня.

— Не будет парома?

— Погода — дрянь! — произнесла она опять тем самым взрослым голосом, который смутил нас обеих.

— Я и подумать не могла, что такое может произойти.

— Это случилось, — сказала она, кладя часть апельсинов в один пакет, а те, что не влезли — в другой.

— Они построили слишком большие лодки, так что те стали небезопасны в ненастье.

— Не в курсе, каков прогноз погоды?

Девушка вскользь взглянула на меня и снова опустила глаза.

— Нет. Пять фунтов двадцать, пожалуйста.

Она не торопясь пересчитала мои деньги. Правильную сдачу у нее получилось дать только со второго раза. Интересно, что она слышала обо мне? Я должна была уже идти, но не двигалась с места.

— Так что же с бесплатными морскими свинками?

Кровь снова прилила к ее лицу.

— С ними все кончено. Мы отдали их змее моего брата. Их было слишком много.

— О!

Девушка улыбнулась.

— Это было много лет назад.

— Ну да, — сказал я.

Девушка положила карандаш обратно в рот, и ее внимание вернулось к кроссворду. Как оказалось, она занималась тем, что просто закрашивала пустые клетки.

Уже в грузовике, я обнаружила, что оставила апельсины в магазине. Я посмотрела в зеркало заднего вида на разоренную теплицу и увидела, что человек внутри стоит, уперев руки в бедра, и смотрит на меня. Я заблокировала двери и умчалась прочь, позабыв про апельсины.

Зарядил ливень, я прибавила мощности у радиатора и врубила дворники на максимум. Мы проехали то место, где я обычно останавливалась, чтобы погулять с Псом, и он с укором посмотрел на меня с заднего сиденья, а затем каждый раз, как только я поворачивалась взглянуть на него, он поднимал уши, как будто мы с ним вели оживленную беседу; тогда я начала отворачиваться от его взглядов.

— И что с того? — сказала я. — Ты же собака.

Тогда уже отвернулся он и стал смотреть в окно.

На полпути домой мне это надоело, и я все-таки остановилась у въезда в убранное поле. Пес смотрел из ок-

на — неподвижный и спокойный, я же помассировала себе переносицу, пытаясь унять пощипывание в носу, другая моя рука впилась ногтями в кожу на груди с тем, чтобы прогнать засевшую там ноющую боль, которая пришла ко мне с потерей овцы; до сих пор вижу ее остекленевшие открытые глаза с капельками крови.

Плакала я без слез, с открытым ртом, сотрясая грузовик, чувствуя, как что-то борется внутри меня, не давая влаге прорваться наружу. Поплачь хорошенъко — так говорила мама тройняшкам в надежде, что все обойдется и не нужно будет ехать в больницу. Как тогда, когда Клив рухнул с дерева и стал кричать, а мы обнаружили потом, что у него сломана рука. Но не было ничего хорошего в моем плаче — я не могла вдохнуть, было больно. Я остановилась лишь тогда, когда кровь пошла у меня носом. Вытерев его куском замши для очистки стекол от изморози, я пустилась в обратный путь домой, умиротворенная. На военной дороге, неподалеку от поворота к дому, какие-то подростки обжимались на автобусной остановке. Завидев мое приближение, один пацан сделал вид, что положил что-то в рот, другой взобрался ему на спину, как бы оседлав его, в то время как тот первый изображал, что бросает лассо. Девица засмеялась и показала мне средний палец. Когда я заворачивала за угол, парень с лассо спустил штаны и показал свою белую задницу.

Я тяжело опустила кофейник на плиту, пожалуй, слишком резко, чем следовало бы.

— Гребаные детки! — сказала я Псу, но он повернулся спиной и не слушал меня.

Я захлопнула холодильник и прислонилась к нему головой. Глупо было быть такой беспечной. Холодильник заурчал в знак согласия. Глупо было полагать, что все обойдется. Подобное чувство посетило меня, когда я впервые увидела этот дом, приземистый и белый, словно меловая галька у подножия черных дюн, чувство защи-

щенности от непрошенных взглядов, — то чувство преступной безмятежности из прошлой жизни. Я пошарила за холодильником и нашупала рукоятку топора.

Мой рукав потемнел в том месте, где его лизали некоторые из мертвых ныне овец, я сняла джемпер и застирала это пятно с мылом в ванне на втором этаже. От меня несло как от козла, но идея вымыться полностью в холодной воде не прельщала меня, так что я просто поплескала под мышками. Я сжимала и разжимала руки, чтобы согреться, правая ныла и издавала щелкающий звук в месте застарелого и неудачно сросшегося перелома — так всегда бывало в такую промозглую погоду.

Я провела рукой по своему отражению в зеркале. В прошлый раз я подстригла челку на фут короче, чем это нужно было, и теперь я выглядела несколько странновато. За ухом я обнаружила кровоподтек от большого пальца руки.

Я прикурила сигарету и, не выпуская ее изо рта, соединила руки, выставив их перед собой, напряглась и, не прекращая затягиваться, ощутила напряжение в мышцах: мои руки были по-прежнему сильны, несмотря на то что я не практиковалась в стрижке овец вот уже без малого несколько месяцев. Силачка. Я наблюдала, как дым змейкой выходит из моего рта и исчезает в холодном воздухе. Кофейник зашелся в предсмертных хрипах, и я поспешила снять его с плиты.

Меня не отпускал страх, что ситуация начнет развиваться стремительно и непредсказуемо.

Сквозь кухонное стекло я увидела отблеск лобового стекла авто, двигающегося по ту сторону долины. Дон на своем лендровере. Я выплюнула сигарету в раковину, потушив ее под струей из крана, и выскочила во двор, чтобы взять садовую тачку. Пес, возбужденный моими движениями, схватил меня за ногу сзади чуть ниже колена. Я запыхтела, двигаясь вперед, к началу дороги, тележка

безбожно заскрипела и встала как вкопанная, заблокировав проезд. Дон остановился и заглушил двигатель. Мидж терпеливо ждала на заднем сиденье, следя за Псом, вывалив свой розовый язычок.

— Христос с тобой! У меня аж яйца свело, глядя на тебя, — сказал Дон, вываливаясь из грузовика. Шел мокрый снег, а на мне была лишь майка. Он окинул меня таким взглядом, что меня невольно передернуло.

— Хреново выглядишь. Плохо спала?

— Я в порядке, — я кивнула на тележку. Дон взглянул туда.

— И что там у тебя?

— Еще одна мертвая овца. Думаю, это те дети.

Он молча смотрел на меня. Пар от дыхания повис между нами белой дымкой. Он отрицательно покачал головой.

— Что дети могли забыть здесь и для чего им с творить такое?

— Что вообще движет такими людьми? Скука и избыток дури.

Пес прыгал вокруг грузовика с сидящей в нем Мидж и что есть мочи лаял на нее, она же лишь равнодушно глядела, слегка повернув голову в его сторону.

— Нет, — сказал Дон, — ты не можешь во всем винить детей. Даже если некоторые из них чертовы маленькие засранцы.

— Что же с ней случилось? — спросил он, указывая на мертвую овцу, слегка наклонившись, чтобы взглянуть поближе; его руки уперлись в бедра. Было очень холодно. Я сложила руки на груди, пытаясь выглядеть не-принужденно.

— Я нашла ее вчера утром в поле у самой кромки леса.

— У леса?

Я кивнула.

Он покачал головой и обошел вокруг тачки.

— Она мертва, все верно.

— О, правда? Да ты великий ветеринар!

Дон посмотрел на меня с прищуром. Я прочистила горло.

— Эти дети...

Дон сдвинул кепку на затылок и посмотрел на меня.

— Прекрасный вечер был вчера — тебе надо было прийти в паб, как я и говорил.

Ну вот, начинается, подумала я.

— Подобное заведение не в моем вкусе, Дон.

Я живо представила себе тамошних мужчин, прильнувших к барной стойке, разговаривающих вполголоса и провожавших взглядом проходящих мимо дам. Такие же, как те трое, которые нарисовались здесь в первую неделю, настынивая мотивчик «Фермер ищет жену». Дон был другим. Я позвала его, когда впервые принимала сложные роды с тазовым предлежанием, и он откликнулся, пришел, спокойно вправил и зашил выпавший у овцы кишечник, спас тем самым ее тройню. Затем налил мне стаканчик и тихо сказал:

— Все мы должны учиться, так или иначе.

Тем не менее на тему моего прихода в паб он может распространяться бесконечно.

— Уже три года. Ты не побывала в пабе ни разу за это время.

Это была неправда. Я была однажды там, но Дон был настолько увлечен своими речами, что не услышал меня тогда, когда я рассказывала ему об этом.

— Ты появляешься здесь ниоткуда, выглядишь как лесбиянка или как хиппи, или что-то в этом роде, и селившись здесь, а здесь не так уж много такого сорта людей, знаешь ли. Это очень опрометчиво с твоей стороны. Они могут понапридумывать разное о тебе и потом пугать этими историями молодняк.

Я переступила с одной ноги на другую, сменив центр тяжести, чувствуя, как холод подступает к скулам.

— Разведение овец — занятие, и без того проходящее в уединении, зачем еще больше подвергать себя изоляции.

Я заморгала в ответ на это, и повисла долгая пауза. Пес заскулил. Все это он тоже уже слышал.

— Тогда что же убило мою овцу? — вот все, что я смогла сказать.

Дон вздохнул и покосился на овцу. В утреннем свете он выглядел как столетний патриарх: на его щеках пропали старческие пигментные пятна.

— Норка могла обгрызть овечку, когда та уже была мертва. Или лиса.

Он приподнял овечью голову, чтобы посмотреть на глаза.

— Глаз нет, — сказал он, — возможно, что-то убило ее, а уже затем кто-то поживился.

Он приподнял голову повыше и осмотрел труп снизу, там, где овечьи ребра образовывали впадину. Дон нахмурился.

— Но я не знаю ни одного животного в округе, которое могло бы так обгрызть труп.

Я похлопала себя по карманам в поисках сигарет, затем погладила Пса по его засаленной башке. Вороны все кричали: «Ка-ар, ка-ар». Мидж устроилась поудобнее на своем месте, и мы все задумчиво глядели сквозь ограду на темнеющие вдали деревья.

— Просто скажи этим детям, если увидишь их, и любому другому, кто захочет знать об этом, что если я поймаю кого-нибудь из них около моих овец, то я просто пристрелю их.

Я развернула тележку вокруг своей оси и пустилась в обратный путь вниз по склону, в направлении дома.

— Ага, — сказал Дон, — и тебя тоже с Новым годом.

В Бундари нам осталось работать неделю. Я принимаю душ в кабинке рядом с тракторным навесом и смотрю на самочку паука-красноспинника, величиной с подушечку моего большого пальца, которая давно облюбовала себе здесь место — на душевой насадке. Она даже не шевельнулась, когда я крутанула вентиль, лишь дернула лапкой, как будто вода слишком холодна для нее.

День выдался долгим и жарким — кончается март, и под покровом оцинкованной гофрокрыши стригальни воздух стоит плотной массой, словно густой суп с угодившими в него мухами. Шампунь почти закончился, но я щедро набираю его и чувствую, как пена стекает вниз по всем складкам и впадинкам моего тела; вода холодит поясницу, там, где пульсируют шрамы, воспалившиеся от пролитого пота. Надо мной, позади паучихи, стремительно темнеющие небеса — ночь здесь наступает быстро, не то что в городе, где можно провести весь вечер на работе, не различая ночи и дня, ведя отсчет времени лишь по количеству принятых клиентов. Первые звезды подобны сияющим кристаллам, а на старой смокве, которая раскинулась над тракторным навесом и роняет свои фиги прямо на крышу, когда я сплю, сидят ворона-флейтист и белый какаду и лакомятся ими; я слышу приглушенный шум от их возни. Летучие лисицы планируют почти у самой головы, взбалтывая воздушные массы, так что меняется сам запах этих мест и ночь разливается в пространстве. Я чувствую какое-то движение снаружи, за реечной перегородкой душа, и мои руки замирают в волосах.

— Грег? — зову я, но ответа нет. Я закрываю вентиль душа и прислушиваюсь. Паучиха опускает свою ножку. — Грег?

В волосах полно пены, мыльные пузырьки потрескивают у меня в ушах. Мне живо представляется, как меня, стоящую здесь в одиночестве, хватают сзади, снова утаскивают туда, откуда мне удалось сбежать, связывают и оставляют гнить в высокой сухой траве. Запах яичницы, жаренной на сале. Чьи-то тихие шаги вокруг душа. Это может быть кто-то из наших, например, находящийся все эти дни в пристрании Алан шарит в поисках изоленты или керосина, а может, ищет батарейки или какое-нибудь тряпье. Но это не он, разлившийся в воздухе запах подтверждает это.

— Грег?

Я менее чем в полутора сотен километров от Отто, ближе, чем когда-либо с тех самых пор как я сбежала, но все равно, за семь месяцев я исколесила всю страну взад и вперед, и даже если у него нюх, как у ищечки, я надежно замела следы. «Я скрыла следы», — беззвучно шепчу я.

Справа от меня, за дощатой стенкой душа, возникает какая-то тень, и вот сквозь дыру от выпавшего сучка в доске на меня смотрит чей-то глаз; в беззвучном крике я отскакиваю назад.

— Я знаю, что ты здесь — говорит мне этот глаз. — Ты не проведешь меня, мне известно о тебе все, и я знаю, что ты натворила, — звучит густой, низкий и какой-то липкий голос, я ощущаю тошнотворный запах из смеси тухлых яиц, ланолина, виски и давно немытого тела.

Я не оставила следов. Вот уже семь месяцев как я тщательно запутываю их, но сердце мое стучит так часто, что я невольно опираюсь рукой о стену, чтобы не упасть. Встревоженная паучиха описывает круг и снова замирает. Глаз моргает, и я хочу ткнуть в него ногтем, но не могу заставить себя даже прикоснуться к нему, да и под рукой нет ничего острого. Глаз скользит вверх и вниз, радужка его мутно синего цвета.

— Я знаю, кто ты такая, — вещает глаз. Он исчезает, и тень отступает. Сердце барабанит в груди. Я смотрю в дырку в доске и вижу Клэр: пошатываясь на нетвердых ногах, он плетется в сторону стригальни.

Неделю он был в отлучке и, видимо, что-то пронюхал.

Я вылетаю из душа, даже не смыв толком с себя пену, забегаю за сарай, прямиком в свою каморку. Натягиваю трусики, шорты и майку и начинаю набивать вещами рюкзак. Если ты так уверена, что он никогда не сможет найти тебя, — говорю я сама себе, — тогда почему ты всегда готова к бегству и весь твой скарб хранится в рюкзаке? Все уже упаковано, кроме ножниц — их я оставила на скамье рядом со столом для стрижки овец, чтобы наточить их утром. И еще панцирь цикады, которую Грег подарил мне в прошлом месяце, когда он спросил меня, поеду ли я с ним на Золотой Берег, когда закончим эту работу. Она зажата у меня в ладони, и я чувствую, как она подрагивает там, в унисон с моим пульсом. «Просто проведем месяц у воды. Порыбачим, поплаваем, попьем пивка, — сказал тогда он. — Нужно немного освежиться перед новой работой».

Я возвращаю шкурку обратно на полочку и иду искать Грега в столовую.

Почти все собрались к ужину, я стреляю глазами на скамью, где обычно сидит Клэр, но его нет. Я подсаживаюсь к Грегу, который обсуждает с Коннором лодочные моторы, и кладу руку ему на плечо, давая понять, что у меня есть разговор. Не оборачиваясь, он сжимает мое бедро под столом — слишком уж увлечен беседой.

— …проржавела до такой степени, что он провалился и упал в трюм, — говорит Грег.

Коннор отвечает, отпивая из жестяной банки:

— Ага. Туда ей и дорога — с глаз долой из сердца вон, — голос его повышается, приобретая скептический тон, — что же касается моторов: вода — враг твой.

— Угу, — произносит Грэг, и я придвигаюсь поближе к нему. Не хочу, чтобы кто-нибудь узнал, что у меня неприятности.

— Ты в порядке? — спрашивает Грэг, отвлеченный моим ерзаньем.

— Нужно поговорить, — тихо говорю я.

Грэг бегло смотрит на меня, отхлебывает свой напиток и обвивает руку вокруг моей шеи.

— Можем выйти?

— Сейчас ужин начнется.

— Да, но...

— Тихо ты.

Я придвигаюсь к нему еще теснее. Люди подумают, что мы милуемся, так что никто не заподозрит ничего неладного. Передо мной приземляется сероватого цвета бифштекс, подносы с вареным картофелем проплывают мимо меня.

У меня пересыхает во рту.

— Ты уже виделся с Клэр?

— Его грузовик на месте, он, должно быть, где-то поблизости. А что это ты спрашиваешь?

— Да нет, ничего. Я просто... Слушай, может, махнем на Золотой Берег?

Он одаривает меня таким взглядом, как будто хочет сказать, что же, ради всего святого, происходит с этой женщиной.

— Ну да, я ведь тебе сам предложил это. А что тебе так свербит, что ли, или что?

Он наваливает шесть больших картофелин на свою тарелку, передает поднос мне, я, в свою очередь, предаю его Стюарту, сидящему напротив меня.

— Я имею в виду — прямо сейчас. Можем мы просто прыгнуть в грузовик и уехать?

— С чего это? Что стряслось?

— Ничего. Просто хочу поехать прямо сейчас.

Грег выглядит растерянным.

— Ну, я, может, тоже хочу этого, но сперва мы должны закончить работу.

— Почему?

Грег пережевывает кусок бифштекса.

— Почему? Да потому что они мои кенты, и я не могу подвести их. Кроме того, если мы свалим раньше срока, то не получим премию — осталось-то подождать всего неделю. Не так уж и долго. — Он дожевывает и глотает, затем подходит к одному из парней, сидящему в центре стола.

— Сид, — кричит он, — ты что же это, по-прежнему стряпаешь этот хлеб из той дермовой муки?

Сид не отвечает. Грег лишь пожимает плечами и подбирает куском хлеба все оставшееся на своей тарелке.

— Можешь ты просто поверить, что нам необходимо уехать прямо сейчас? — говорю я.

Он откладывает хлеб в сторону.

— С чего это мы должны уехать именно сейчас? Что это даст? Ты что, ограбила банк?

Я уже было открыла рот, чтобы заговорить, но я не могу рассказать ему всего.

— Слушай, — говорит он, занося вилку над тарелкой, — нет никаких проблем. Все просто. Сейчас горячая пора, вот и все, потерпи, скоро мы будем на побережье, опомниться не успеешь.

Приходит очередной поднос, на этот раз с сосисками. Когда я передаю его Стюарту, он удивленно смотрит на меня.

— Тебе не досталось сосисок? — спрашивает он.

— Что?

— Неужто села на диету... по Дженнин Крейг или как там?

Я не обращаю на него внимания, но Грег замечает это и возвращает поднос сосисками.

— Погоди, погоди-ка, если она не будет, я возьму, — и он накалывает себе еще две сосиски.

— Почему это ты берешь добавку? — спрашивает Стюарт.

— Потому что она моя женщина.

— Чего? Так нечестно.

— Все честь по чести, — говорит Дэнис с другого конца скамьи. — Она его женщина, а значит, и сосиски его.

Лучше бы я взяла эти чертовы сосиски.

Чтобы убедить его — времени у меня до конца ужина.

Грег съел мой бифштекс, тем временем на столе появились две больших чашки консервированного фруктового ассорти с отборной красной вишней и белеющими дынными кубиками.

— А что, мороженого не будет? — бухтит кто-то, и Сид кидает на стол пару брикетов мороженого, ярко-желтого цвета, словно сыр, из тех, что обычно режут прямо ножом; Коннор отрезает себе кусок в два дюйма толщиной и наваливает сверху целый черпак фруктового салата.

— Люблю, когда мороженое плавает в сиропе, — громогласно сообщает он и одну за одной вылавливает вишненки прямо пальцами, высоко отставляя мизинец. Он выкладывает их в ряд на краю тарелки. — а эти маленькие ублудки только все портят.

В дверях появляется Клэр, принося ночь на своих плечах. В свете целого ряда ламп на сарае его фигура будто охвачена светом. Стоя в дверном проеме, он внимательно осматривает сидящих за длинным столом. Я жду, когда он остановит свой взгляд на мне, и, когда это все же происходит, я вижу хорошо знакомое мне выражение удовольствия на его лице. Я в ловушке. Бедро Грега пульсирует рядом с моим бедром.

Коннор скребет ложкой по дну тарелки, а Стив, сидящий рядом с ним, стреляет вишневой косточкой и по-

падает прямо в колено Стюарту. Стюарт показывает ему средний палец, не отрываясь от своей миски. Алан во главе стола, увлечен чтением газеты и не замечает ничего вокруг. Он мирно пьет пиво. И посреди всего этого Клэр смотрит на меня не отрываясь, и я понимаю, что я пропала, знаю, что все кончено. Он идет в столовую и не спеша проходит мимо меня. Я изо всех сил стараюсь не подавать вида, не провожать его взглядом, пытаюсь не думать о его следующим шаге. Он кладет руку на плечо Грэга, наклоняется к нему, и я замираю в предчувствии катастрофы. Грэг поднимает голову, и Клэр протягивает ему шоколадный батончик «Вайолет Крамбл», лицо Грэга озаряется улыбкой.

— Ай, молодца, — говорит Грэг. — Ладно, я сыт по горло этой фигней, — говорит он, кивая на фруктовый салат, и срывает фиолетовую обертку с шоколадки. Клэр держится рядом, ничего не говоря, только косо поглядывает на меня. Грэг отламывает кусочек батончика и подает его мне. Как только Грэг отворачивается, я крошу его в пыль, пряча руки под столом.

Я забираю свои ножницы из сарая, уже не заботясь о том, что случиться дальше. В сарае стоит приятный запах. Запах пота и навоза, овечьей шерсти и скипидара. Не представляю, как я буду без всего этого. Поссум скребется когтями по жестяной крыше. Не спеша я возвращаюсь в свою каморку, на мгновение застываю во тьме, разглядываю теплую полоску света, исходящую из обеденного сарая. Я вижу Грэга в профиль: он смеется, подносит пиво к губам, пьет, ставит бутылку назад, утирает губы тыльной стороной ладони. Я прикусываю кончик языка и пытаюсь придумать, как мне все-таки вызвать его оттуда. Ничего не приходит на ум, я поворачиваюсь и бреду обратно к себе.

Клэр лежит с ногами на моей кровати, попыхивая самокруткой. Я застываю в дверях, но он услышал мои

шаги и рот его уже оскалился в улыбке. Я стою в дверном проеме, прикидывая, удастся ли мне сейчас развернуться и убежать назад в стригальню, чтобы забиться там под овечью шерсть.

— Знаешь, где я пропадал всю неделю? — спрашивает он, свешивая ноги и подаваясь вперед. — Проходи внутрь, не стой в дверях, дорогуша, — говорит он, — а то выглядишь как заправская шлюшка. — Клэр широко ухмыляется. Он выпускает дым, и между нами повисает белое облачко.

— Собралась в путь? — говорит он голосом диктора из телевизора. Он слегка пихает мой рюкзак ногой. Его голос прямо-таки переполнен удовольствием.

— Бен шепнул мне кое-что о плакатах — твоих фото, которые развесены там повсюду. Так ты не знала? Мне пришлось самому пойти туда и увидеть все своими собственными глазами — на всех них красуешься ты. — Он вытаскивает из заднего кармана помятый, сложенный в несколько раз лист бумаги. Бережно он расправляет его, посмеиваясь себе под нос, и поднимает его перед собой так, чтобы мне было видно. Там я, одетая в черное и белое, сижу на розовом покрывале с пони, улыбаясь в камеру. На моих коленях плюшевый медведь, я обнимаю его, но вы не видите моих рук, не видите медведя и покрываю его, не видите старика, делающего этот снимок, так же, как и собаку, сторожащую меня снаружи. Вы видите только мое лицо, улыбающееся на камеру. Заглавными буквами вверху написано «РАЗЫСКИВАЕТСЯ», я могу также разобрать слова внизу листа «внучка... может причинить себе вред», но не могу прочитать его полностью, потому что бумага в том месте истерлась и потемнела.

— Я позвонил по указанному номеру, Джейк, и знаешь, что я выяснил?

— Не понимаю, о чём ты. Он мне не дед.

— О, это я знаю и без тебя. Этот бедный старикан, Отто. Мы хорошенъко потолковали с ним. Я навестил его на его ферме, которая теперь просто кладбище овец, все, о чем он только и мог говорить, так это о том, как ты убила его собаку и как украла его деньги, а ведь он только лишь хотел вытащить тебя с улицы. Сказал, что ты лишила его всего, что было ему дорого, забрала даже его грузовик, и бедный старик не мог попасть в город, ему пришлось рассчитывать только на помощь Армии спасения, они привозили ему продукты раз в неделю, покуда он не отремонтировал свою вторую колымагу. Я видел, что ты сделала, ты же разнесла грузовик вдребезги.

— Это не так, просто я...

— Я видел все собственными глазами. Старый хрыч плакал, когда рассказывал о своей погибшей собаке.

— Я просто...

— Тсс, — властно произносит Клэр.

Одним ловким движением он встает с кровати и медленно подходит ко мне, берет за брезвально опущенные руки. Подталкивает меня к верстаку, наваливается всем телом, я чувствую, что у него встал.

— Ты смогла одурачить его, но ты не обманешь меня.

К горлу подкатывает тошнота. Я оглядываюсь в сторону открытой двери. Что, если сейчас Грег появится здесь?

— Короче, у тебя два варианта. Возможно, тебе удастся уговорить меня держать рот на замке. — Клэр жарко дышит мне в лицо. Его шепот вот-вот перейдет в крик. — Покажешь мне то, что ты показывала всем в Хедленде... — сердце готово выскочить у меня из груди. Часть меня еще глупо надеется, что, возможно, он ничего не расскажет и утихомирится, но другая часть отлично знает, что этим все не кончится, и я больше не могу оставаться здесь.

— Я не прошу многого, лишь немногого ласки — не стану же я трахать бабу своего другана, разве что только в рот.

Я прямо вижу, как это все будет: намотает мне волосы на кулак и засадит по самые гланцы, знаю все слова, что он будет при этом говорить, а потом все станет только хуже, когда он растрезвонит всем в округе.

— Или же, — говорит он, очерчивая пальцем контуры моей груди, — или же я дам знать старине Отто, где искать тебя, а заодно и полиции, — он начинает расстегивать пуговицы на моих шортах, выдергивает концы заправленной туда футболки и запускает руку ниже, жадно шаря своими пальцами, пытаясь забраться под мои трусики. — Я даже могу ничего не говорить Грегу, они все расскажут ему сами. — Он елозит пальцем у меня в промежности, и тут, как будто в игровом автомате на ярмарочной площади, что-то щелкает во мне, и я посылаю ему удар прямо в челюсть справа, он падает навзничь и теряет сознание, пачкая кровью пол.

Я не сразу могу натянуть мои шорты — разбила руку о харю Клэр, и теперь мой кулак превратился в пульсирующий и опухший кусок мяса.

Я покидаю комнату не оглядываясь, но слышу, как он возится на пыльном полу, испуская хлюпающие звуки, похожие на стоны.

Я почти уверена, что сломала ему челюсть.